

Дождь усиливался: мелкая морось превратилась в увесистые капли.

Цзян Хуайли, глядя сквозь пелену дождя, увидел, как человек, завернутый в циновку, тяжело шевелится. Он соскочил с лошади и раскрыл зонт, укрывая несчастного.

Тот не выглядел настолько безнадежным, как показалось на первый взгляд — он еще мог двигаться. Один глаз, залитый кровью, был плотно закрыт, зато второй, опухший, подергивался, пытаясь раскрыться шире. Упираясь руками в землю, он, по-видимому, пытался сесть.

Цзян Хуайли помог ему приподняться. Держа зонт одной рукой, другой он распахнул свой плащ и укутал обнаженное тело незнакомца.

Когда он завязывал тесемки плаща, они оказались совсем близко. Человек приоткрыл опухший глаз и наконец разглядел того, кто склонился над ним.

Зонт был мал, чтобы укрыть обоих, и плечи Цзян Хуайли намокли. Дождевые капли стекали по его шее под одежду, пряди волос, влажно прилипшие к бровям и ресницам, придавали ему вид человека глубоко удрученного и уязвимого.

Это был Цзян Хуайли.

Он знал, кто это.

Он сам был актером, а время столичных экзаменов для него всегда было самым горячим. Студенты со всех концов страны стекались в столицу, чайные и рестораны гудели от оживления, и они с дедом каждый день бегали по этим заведениям.

Тогда ему казалось, что между ними целая пропасть, и их пути никогда не пересекутся.

— Кто это такой смелый, раз осмелился спасти того, кого сурово наказала резиденция Вана Лань? Может, окликнем его?

— Понял, — Цзян Хуайли поправил свертки с чаем и сладостями. — Я недавно расстроил Младшего наставника Цинь, и, вернувшись, почувствовал такой стыд, что купил его любимые угощения, чтобы принести извинения.

В особняке Цзян заправлял Цзян Хуайхун, и было неизвестно, сколько людей там преданы ему. Цзян Хуайли уже однажды поплатился за свою неосторожность. Он хотел узнать больше о тех, кто так резко изменил к нему свое отношение, но в особняке Цзян это было опасно, во дворце — хлопотно, а вот этот слуга в поместье Цинь подходил идеально.

Стоило раздаться окрику, Цзян Хуайли поспешил удалиться, но тот день и тот мимолетный взгляд забыть было невозможно.

— Кто это?

Он снова пришел к месту жительства Младшего наставника Цинь. Управляющий, увидев его, крайне удивился:

— Молодой господин, почему вы снова здесь? Господина нет дома.

— Ха?

От окружающих он когда-то узнал, что это пятнадцатилетний юный господин из особняка Цзян, тот самый, кто на Столичном экзамене обошел даже чжуаньюаня.

— Супруга вана!

Он никак не ожидал, что теперь они будут стоять под одним дождем, насквозь промокшие.

— Ты считаешь меня неприятным? Считаешь, что я сую нос не в свое дело? Обижаешься, что я увидел тебя в таком жалком виде?

Слуга вздрогнул, заметив окровавленные колени Цзян Хуайли. Он-то думал, что кровь на одежде господина чужая, и уже хотел спросить, что произошло, но, вспомнив, с каким звуком Цзян Хуайли опустился утром на каменные плиты, промолчал.

Завязав плащ, Цзян Хуайли поднялся и огляделся: кроме людей из резиденции Вана Лань никого не было. Ехать верхом тяжело, а тяжелораненому нельзя трястись в седле.

Цзян Хуайли отвез его в ближайшую лечебницу, оставил денег и поспешил прочь.

Этот слуга был не просто книжным мальчиком Младшего наставника Цинь, он помогал ему в повседневной жизни и знал своего господина лучше всех.

Изумлены были не только спасенный, но и слуги из резиденции Вана Лань, бросившие человека на произвол судьбы.

Слуга принес Цзян Хуайли горячей воды:

— Молодой господин, хотите очистить руки и лицо?

Младший наставник Цинь жил скромно: в доме был только повар, слуга и старый

управляющий.

Даже несмотря на разбитое лицо, покрытое синяками и кровью, Цзян Хуайли видел, что удивление слуги было неподдельным.

— Нет, — Цзян Хуайли приподнял полы халата и закатал штанины до колен. — Нужно смыть кровь с ног.

Самым шумным днем был день торжественного выезда чжуаньюаня, банъяня и таньхуа. Столица была заполнена людьми, в чайных не оставалось свободных мест.

Он отложил зонт и, наклонившись, поднял худого, как тростинка, раненого.

— Я отвезу тебя к лекарю.

Цзян Хуайли заметил его взгляд. Он посмотрел на тяжелораненого, и, быть может, под влиянием дождливого дня или из-за того, что дождь отгородил их от остального мира, он задал вопрос, который в обычное время никогда бы не произнес.

Человек долго не мог прийти в себя:

— Что?

Он наблюдал, как юноша перед ним задумчиво опустил ресницы. Весь этот год он был поглощен лишь теми, кто ему дорог, а в ответ получал только неприязнь и недопонимание.

— Ты еще смеешь окликать его? Ты не видел, кто это был?

Другие люди, особенно незнакомцы и те, кого он не принимал всерьез, казалось, не питали к нему зла.

На мгновение ему даже почудилось, что они оба — брошенные, несчастные души. Это ощущение быстро исчезло, и он осознал, что с того момента, как разглядел Цзян Хуайли, он даже дышать боялся. Таким он и должен быть.

Цзян Хуайли обернулся и улыбнулся:

— Не нужно, этой воды хватит.

Он послушно поднял голову и увидел напротив, у окна второго этажа чайной, Цзян Хуайли — с утонченной осанкой и возвышенным профилем.

— Ссс! —

Этот дом Младший наставник Цинь приобрел лишь для удобства во время службы во дворце, жил здесь он один. Родовое поместье Цинь находилось в нескольких лиях отсюда, там жили его жена, дети и внуки.

Неожиданный вопрос принес неожиданный результат. Это был тот путь, на который он раньше не обращал внимания.

Как и ожидал Цзян Хуайли, управляющий не питал к нему предвзятости. Увидев, что юноша насквозь промок, а на подоле его одежды виднеются пятна крови, и дождь не думает утихать, он пригласил его в дом и велел слуге принести горячей воды.

Этот слуга и был целью его визита.

Слуга вошел с тазом горячей воды:

— Молодой господин, не желаете принять ванну? Если да, я сейчас все подготовлю.

Цзян Хуайли сам смыл кровь с ног, остановившись на уровне колен.

Слуга тут же предложил:

— Молодой господин, позвольте, я приглашу лекаря.

Цзян Хуайли покачал головой:

— Не хочу, чтобы посторонние знали.

На его губах появилась горькая усмешка, он не договорил.

Слуга прекрасно понимал, почему. Даже если бы он не сказал, догадаться было нетрудно. Если узнают посторонние, Младший наставник Цинь может неверно истолковать это, решив, что молодой господин специально выставляет напоказ, как он ради него стоял на коленях.

Он почесал в затылке:

— Тогда я принесу вам лечебную мазь.

Он быстро вернулся с баночкой и осторожно принялся смазывать раны. Поначалу он касался только краев, но когда дело дошло до поврежденной кожи, он с тревогой взглянул на Цзян Хуайли. Слой кожи был содран, и должно быть, это адски больно.

И точно, узкие брови Цзян Хуайли сошлись к переносице, а на лбу выступили капельки пота.

— Очень больно? — глупо спросил он.

Цзян Хуайли лишь покачал головой:

— Это пустяки.

Слуга вспомнил все, что слышал о нем в этом году, и у него на душе стало тяжело.

— Не говори наставнику, я не хочу, чтобы он узнал и между нами снова возникли размолвки, — Цзян Хуайли поднял руки и бессильно опустил их. В его голосе звучала растерянность: — Я сам не знаю, как так вышло. Почему наставник так ненавидит меня? Неужели он больше не хочет видеть меня своим учеником?

Год назад, когда слуга впервые увидел Цзян Хуайли, тот был ослепительным юным господином, окруженным всеобщим вниманием. Разве он мог быть таким?

— Нет, молодой господин, не думайте так. На самом деле, господин не... Он все еще очень ценит вас, — слуга замахал руками, пытаясь его утешить.

Цзян Хуайли поднял глаза, в их прозрачной глубине теплилась надежда:

— Его неприязнь ко мне видна всем. Почему ты так говоришь?

Слуга замер, встретившись с ним взглядом:

— Просто мне так кажется.

Он рассказал ему одну историю.

— Однажды ночью господин проснулся. Не знаю, что ему приснилось, но он не стал ложиться обратно, а сел за письменный стол и долго что-то писал.

В ту ночь он заметил, что лампа горит, но господин не звал его, поэтому он не стал подходить. Он наблюдал за окном из комнаты напротив, а когда лампа погасла, пошел спать.

На следующее утро, убираясь, он увидел тот лист. Господин, проснувшись, нахмурился и разорвал его, но те слова навсегда врезались ему в память.

На всем листе бумаги было написано лишь четыре слова: Хуайли не виноват.

Взгляд Цзян Хуайли дрогнул:

— Помнишь, в какой день это было?

Слуга кивнул:

— Помню, это было вечером девятого числа второго месяца. В тот день господин вернулся домой в страшном гневе.

Девятое число второго месяца... Император проводил обсуждение государственных дел в Академии Цзи.

Там учились все дети императорского рода Дашэн, а вместе с ними и их сопровождающие. Император часто посещал Академию, чтобы проверить успехи принцев, и вопросы его касались не только классических текстов, но и текущих дел.

Тогда Цзян Хуайли предложил свой метод подавления восстания беженцев, за что был сурово отчитан Императором, а следом и принцами.

Император приказал ему три дня стоять у стены и размышлять о содеянном. В тот момент Цзян Хуайли посмотрел на Младшего наставника Цинь, находившегося в зале.

До того случая Цзян Хуайли уже сталкивался с беспричинной ненавистью близких, с упреками Императора и Четвертого принца, но Младший наставник Цинь всегда относился к нему по-прежнему. Ему хотелось знать, что тот думает.

В тот день Младший наставник Цинь впервые отчитал его — точно так же, как Император и принцы.

Будто он сказал нечто чудовищное, и все в классе набросились на него с обвинениями.

— Так долго... — прошептал Цзян Хуайли, опуская глаза.

Слуга не понял его слов:

— Что долго?

Так долго.

Его мир был хаотичен так долго. Он слишком долго тонул в этой удушливой трясине, и вот наконец забрезжил свет — по крайней мере, теперь он знал, что не виноват.

Он действительно не виноват.

Цзян Хуайли не мог объяснить это слуге, и как раз когда он хотел сменить тему, вернулся Младший наставник Цинь.

Они поспешно прибрались и вышли его встречать.

Управляющий уже успел сообщить господину, что Цзян Хуайли пришел просить прощения.

Увидев его, Младший наставник Цинь снова вспылil:

— И так ты пришел извиняться? Если даже не можешь привести себя в подобающий вид, лучше бы вообще не приходил!

Цзян Хуайли вспомнил, как учитель среди ночи вставал, чтобы вновь и вновь писать «Хуайли не виноват», и глубоко вздохнул:

— Хуайли виноват. Я проявил неуважение к наставнику и не оправдал ваших ожиданий.

После еще пары выговоров Цзян Хуайли наконец вышел.

Слуга провожал его до ворот, и перед уходом Цзян Хуайли сказал:

— Спасибо, что рассказал мне об этом. Это очень важно для меня.

— Не за что... — слуга почесал голову. — Будем считать, что это в обмен на печеный батат, которым вы меня угощали.

Слугу звали Юнь И, ему было всего пятнадцать.

Четыре года назад, когда господин привез его в этот дом, ему было одиннадцать. Вдали от родного поместья, запертый в этом новом месте, без единого друга среди сверстников, он неизбежно чувствовал себя одиноко.

Даже когда молодые господа приходили сюда, он мог лишь наблюдать издалека.

Позже один книжный мальчик по имени Цзян Ань, который часто приходил, пока его господин занимался у наставника, начал искать общения с ним. Он всегда приносил печеный батат, жареные каштаны и другие сладости, чтобы разделить их поровну.

Юный господин Цзян был прилежен, и после занятий в Академии Цзи часто приходил к наставнику, так что Цзян Ань заглядывал часто. Юнь И начал беспокоиться.

Однажды, пока господа читали в доме, они сидели на пороге, грелись на солнце и ели батат.

Юнь И тихо спросил:

— Сколько тебе платят в месяц? Хватает на все это? Может, в следующий раз я буду отдавать тебе половину? И когда ты успеваешь покупать, не мешает ли это делам твоего господина?

Цзян Ань, очищая горячий каштан, улыбнулся:

— Это все мой господин приказывает мне покупать. Я больше всего люблю жареные каштаны, а как-то раз, когда я их покупал, господин дал мне денег и велел купить побольше батата, чтобы мы с тобой поели. Не бойся, денег господин дает столько, что нам на год хватит.

Юнь И замер, держа в руках батат. Он и представить не мог, откуда юный господин Цзян узнал, что он любит батат.

Конечно, он не рассказывал об этом хозяевам, да и Младший наставник Цинь редко брал его с собой на улицу.

Лишь провожая гостей, он иногда бросал взгляд на торговцев бататом на улице.

У Юнь И при улыбке появлялись две ямочки на щеках. Он сказал Цзян Хуайли, который уже сидел на лошади:

— Молодой господин, весна пришла, все плохое скоро пройдет.

<http://bllate.org/book/21320/2163027>